

Александр Сергеевич Омелянюк

ЕМЕЛЯ 2

Стихотворная сказка для взрослых 16+



Москва 2021

Александр Сергеевич Омелянюк
Емеля-2 (Часть 2. Детство,
отрочество, юность)
Серия «Поэзия XXI века (Горизонт)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64888951

Емеля-2. Часть 2. Детство, отрочество, юность. /Стихотворная сказка для взрослых/ Омелянюк А.С.: Горизонт; Москва; 2021

ISBN 978-5-906858-84-9

Аннотация

В этой второй части, написанной ещё в 2014 году, по просьбе читателей автор продолжил повествование о так полюбившемся им герое всего произведения – Емеле, описанным в первой части «Становление» стихотворной сказки для взрослых «Емеля».

Во второй части сказки, изданной в авторской редакции, делается исторический экскурс в родословную семьи Емели, рассказывается предыстория его появления на свет, повествуется о его развитии в детстве, формировании в отрочестве и возмужании в юности, ставшими основами его становления во взрослой жизни.

Автор продолжает работать над третьей частью сказки – «Емеля депутат» и приносит свои искренние извинения тем читателям, которые по-прежнему негативно воспринимают

невольное использование им и так сокращённых до минимума фривольностей.

Содержание

Детство, отрочество, юность

6

Конец ознакомительного фрагмента.

38

Александр Омелянюк
Емеля-2. Часть 2. Детство,
отрочество, юность
Стихотворная
сказка для взрослых

© Омелянюк А.С., 2021

Детство, отрочество, юность

Не дорос, а опустился!

*На порнуху, вот, скатился! —
Фыркает иной читатель.
Чешет темя и издатель:*

*Оно, конечно, ничего,
Если так писать назло!?
Мягче, правда, чем Барков.
Да и проще, чем ... Старков.
В общем, для народа читиво! —
Молвил он в ответ ретиво.*

*Но сам тут же замолчал,
Темя снова почесал —
Ну, издать, конечно, можно.
Только, если осторожно...
Но Вам лучше заплатить.
Тем себе не навредить! —
Вдруг он выдал резюме,
Сказку вымазав в дерьме.*

*С этим я не согласился,
Предложением удивился.
«Ну, на нет – суда ведь нет!».*

**И махнул рукой – Привет!
Тут же резко удалился.
По иному – тихо смылся.**

**Снова взялся за перо.
Не подводит ведь оно.
Погрузился вглубь творенья —
Про Емелю сочиненья.
Написав вторую часть,
Дам народу читать всласть.**

**Пока жду на то ответа,
Без рецензии – привета,
Народ сказку пусть читает,
И Емелю почитает.
Полюбился он ему.
Значит, быть так, посему.**

**Вот и вынужден вернуться,
В сказку снова окунуться.
Читатель хочет продолженья
Про Емелины творенья.
Про детство – юность хочет знать.
Ну, как ему в том отказать?!**

**Например, один читатель —
Емельяна почитатель —
Просил дать ему мгновенья
Про Емелю наслажденья:**

Без Емели не могу!
Допиши его судьбу.

**Раз я взялся за сей гуж,
Не скажу, что я не дюж.
Но начну, пожалуй, с детства.
Опишу всё без кокетства
И отрёчество и юность,
А иной раз даже глупость.**

**Возвращусь теперь назад.
Это сделать буду рад.
И, чтоб быть рассказу гладку,
Изложу всё по порядку
Про Емелино житьё,
Детство, юность, бытиё.**

**С детства полюбил я сказки.
В них комедия и маски,
Аллегория, сарказм,
Мудрость мысли и ... маразм.**

**В общем, получился сказ —
Добрым молодцам наказ!
Экскурс сделаю в былое.
Расскажу Вам про такое...**

Всем известный тот Федот,

Что смешил простой народ,
Был охотником – стрельцом,
Царедворским удалцом.
Но свою семью любил.
И жену боготворил.

Но давно прошли года,
И вода вся утекла.
И царя на свете нет.
И Федота простыл след.
Разошлись пути – дороги.
Стали новыми тревоги.

Когда внук того Федота
Тоже «вышел за ворота»,
То подался то ж в стрельцы,
Как и предок – в удалцы!
Но остался не у дел.
Видно в том его удел.

Ведь царя того потомок
Разошёлся, как телёнок.
Стал «бодаться», «лыко драть»,
И неверных убивать,
Хоть и Софьи в том вина,
И казна была пуста.

Сестру – сразу в монастырь.
Тем Хованщину изжил.

Тогда ж он в порядке мщенья
На стрельцов начал гоненья:
Рубил головы с тоски...
Сбежал кто-то из Москвы.

Среди них и внук Федота
Сбежал сразу за ворота,
От полковников плохих,
И от сотников дурных.
И подальше от Москвы,
Чтоб не стать плодóм резни.

Он рванул тогда на север,
Где ещё тогда рос клевер,
Где дремучие леса,
Рыба есть и небеса,
Есть природа и свобода,
И благá другого рода.

Вдоль брегов реки прошёл.
Место вскоре он нашёл
У излучины реки,
Где омúты глубоки,
Где и фауна и флора,
И поблизости от бóра.

Вырыл он сперва землянку.
А потом, найдя полянку,
Сам поставил ладный сруб,

Сделал крышу – дом стал люб.
Поселился в доме том,
И занялся ремеслом.

А начал он с рыболовства,
С бортничества и пчеловодства.
Он в лесу нашёл дупло.
В нём – пчелиное гнездо.
Стал следить за ним тайком,
Тихо балуясь медком.

А чтоб пчёлы расплодились,
И к нему с медком явились,
Нашёл новое дупло,
Расселив тех пчёл в него.
Дальше дело и пошло:
За дуплом опять дупло.

Для пчёл сделал он колоду
К дому ближе, в непогоду.
Скоро пасеку создал,
Диких пчёл перековал.
Ходил в лес он за грибами,
И по ягоды – всё днями —
За орехом, травой, мхом,
Позабывши о лихом.

Рыбу он ловил, конечно.
С бреднем не ходил беспечно.

Гарпун сделав из кола́,
Рыбу им пронзал до дна.

Вдруг и гости появились,
Рядом с ним и поселились.
Стали вместе в лес ходить
На охоту и... блудить.
Те, что рядом поселились,
В деревенских превратились.

Разделение труда
Их всех развело когда,
Стал Федота того внук
Богатеем местным вдруг.
Как стрелец он стал служить.
Как судья – всех разводить.

Ведь недавно было время —
Для стрельцов то было бремя —
Как полиция служили,
И спокойствие хранили.
Так ведь было до бунта́,
Да и было то когда?

Так теперь и стал работать —
Языком почаше ботать:
Разрешать в деревне споры.
Если мало... уговоры
Заменял на хлёсткий кнут.

В общем, царствовал он тут:

Сам себя избрал он властью,
Наслаждаясь ею, сластью.
Если кто ... не по его —
Вмиг одёрнет он того.
Ну, а пуще, для острастки,
Тех сажал в острог по-братски.

Ну, а тех, кто уж совсем...,
Он казнил, но между дел,
Брав пример с царя смурного,
Реформатора дурного,
Перебившего стрельцов —
Разудалых молодцов.

Стали все теперь давать.
Так царить — не торговать.
Вот и разжирел внучок.
Но про деда — он молчок.
Всем рассказывал лишь сказы
Про Федотовы проказы:

Про его с царём дела...
А какие? То ж молва
Пронесла слух за годá,
Что бывало так всегда.
Всё забылось ведь потом.
Вспоминалось редким днём

С лучшим кречетом на свете
Тот скакал ... с царём в карете —
Мягким, тихим, добродушным,
Но совсем не простодушным.
Царь охотником ведь был,
Потому стрельца любил...

И внучок стал расширяться,
За другие дела браться.
Место новое нашёл,
Где построил себе дом.
Обзавёлся он женой,
И скотиной дорогой.

Стал там жить и поживать,
И детей своих рожать.
Десять рóдили детей.
Раз в два года – без затей.
Память он хранил о предке,
Побегом отрастав на ветке.

Время шло вперёд и шло.
Было это ведь давно.
И менялись поколенья
Друг за другом, без сомненья.
Так и наступил тот век,
Когда восстал вдруг человек...

И родился вновь Федот.
Но теперь Федот не тот.
Лишь потомок он стрельца —
Удалого молодца.
Два ведь с половиной века
Разделяли их, как веха.

Этот стал Федот попом,
Но хорошим ведь притом.
Нового ровесник века.
И любил он человека.
И любого ведь при сём.
Часто звал к себе всех в дом.

Так зазвал к себе он «лихо».
То зашло к нему в дом тихо.
Стало жить и поживать,
И Федота выживать.
Воспротивился Федот.
Хоть, напомню, был не тот:

*Ты зачем в мой дом пришло,
Горем страшным снизошло? —*
Сам себя спросил он тихо,
Думая, что «лихо» дико.
И, действительно, оно
Было страшно и темно!

И расстроился Федот:

«Вот какой тут поворот!?
Революцию не ждал...».
И в гражданскую слинял
От свирепого народа,
И других такого рода.

Хоть война и обошла,
Суета его нашла.
Как-то раз, он дезертира
Прятал за стеной сортира.
Ну, а то спасался сам
Он от бед, хоть не сезам.

Те мину́ли его дом,
И в гражданскую притом.
Отсиделся поп в приходе,
Как «зелёный» на природе,
Под защитою жены,
Или «красной сатаны»?!
Но отменно службу нёс.
У него лишь Бог ведь босс.

А в селеньях тех, в Тверской,
Недалече под Москвой,
Той войны совсем не было.
Вот и в памяти не всплыло,
Как Федот, совсем не тот,
Бедам сделал отворот.

Но прошли года лихие.
В перерывы небольшие
Меж одной войной, другой
В сельской жизни не простой
Родился на свет Иван,
Но не принял церкви сан.

Родились ещё сыны,
Как предтеча, для войны.
Были старше те Ивана,
Тоже не принявши сана.
Каждый был ведь комсомольцем,
И со старой жизнью бóрцем.

Но жизнь так распорядилась,
Что она у всех разбилась...
Началась опять война,
Для всех нас беда одна.
Старший сын сбежал на фронт.
И второй встаёт в афронт:

*Я за братом на войну
Завтра тоже удеру!*
Мать, к ногам его припав,
Застонала, вся опав:
Да ты что, сынок, уймись!
Лучше делом, вон, займись!

Отец только промолчал.

Всё он видел, замечал.
Сына крестным осенил —
Старшего он тем простил —
Щеку́ слезою оросил,
И сыночка отпустил.

А потом утешил мать —
Продолжала та страдать:
Ты, жена, пойми меня.
Я священник – не стена.
Хоть тебя я понимаю,
Но страну я защищаю!

Помолись, Федот, за них —
За сыночков дорогих! —
Жена к мужу обратилась,
И с судьбою примирилась —
Хоть бы младшего не взяли.
И моим мольбам бы вняли.
Поскорей с войны пришли,
Домой счастье принесли!

Но война несла пока
Смерть, разруху на года,
Слёзы наших матерей,
И позор их дочерей.
Гибель их мужей, сынов,
Братьев, женихов, отцов.

На восток идёт война.
Вместе с ней идёт беда.
Недалече фронт уже,
А младший Ваня неглиже.

Поначалу не спешил.
Ведь домой он воротил
После леса заготовок,
И весны-красны уловок...

Возвратился он домой
Только позднею весной...
Но Великая ... война
И Ивана забрала.

Был зачислен он в пехоту.
Там нашёл и свою роту.
Приготовился к боям,
Отступив к своим краям.

Хоть Калинин был всем дорог,
Ненадолго враг взял город.
Лишь два месяца прошло,
Как своё назад пришло.

На запад откатился фронт,
Став для Москвы теперь, как зонт.
Командовал уже им Конев,
Всю группу армий «Центр» дбняв.

Как будто немцам «вилы в бок»,
О чём докладывал фон Бок.

А по весне все реки вскрылись,
И переправы вдруг закрылись.
Понтоны и мосты нужны.
Специалисты там важны.
И в 63-ий ПМБэ
Иван зачислен был уже.

Ведь он по-плотнически умел —
Вот в инженерные слетел.
Стал он строить переправы.
Топором не для забавы
Он умел и эдак, так.
В общем, в плотницкой ... мастак.

Приходилось под налётом
Весной, обливаясь потом,
Строить новые мосты.
Кругом выставив посты,
Из понтонов переправу
Наводить не на забаву.

Но, как ранили его,
Только в руку лишь всего,
Принесли тотчас в санбат.
А тащил его медбрат.
Ампутировали руку —

Он не проронил ни звуку.

Слёзы по щекам текли:
Топора года прошли —
Сделал он себе укор
От обиды за топор.
«Как теперь работать буду?» —
Думал он, надеясь чуду.

То потом к нему пришло —
Вдохновеньем снизошло.
Понял он, что жить-то надо:
Ожениться, родить чадо...
Стал работать он одной
Только правою рукой.

Был в работе заводной
Только в плотницкой одной.
Избы стал он строить снова.
Всем с войны была обнова.
Радость людям он давал:
Топором, как колдовал!

Но однажды божий лик
Вдруг к нему явился вмиг.
Произвёл он на Ивана
Впечатленье, как ... нирвана.
У отца он сын один.
Братья погибли в дни годин.

А отец был поп в душе,
Да и стар ведь он уже.
И решил помочь отцу
Отпевать, водить к венцу.
И крестить, в купель макать —
Людям духом помогать.

В общем, прижился в народе
Старостой церковным вроде.
И женился на красе
Через года три, к весне.

Всем мужчин ведь не хватало.
Бабы брали, что попало:
Кто калеку, кто пьянчугу —
Так тянулось сердце к другу.

И пошли потом детишки:
Павел, Фрол, Козьма — сынишки.
Ну, а дочки уж потом,
Чтобы украшали дом...

Подросли сыны и дочки,
Как на ветках растут почки.
Распустились потом все,
Подготовившись к весне...

То в деревне дальней было.

И с годами только всплыло.
У поповича Ивана
Невестка рѳдит Емельяна.

Иван внучонку очень рад.
И прадед Федот богат,
Который назван был в честь предка.
(Практика у нас не редка).
Хоть и звался он Федот,
Но напомним, был не тот:

В службе Бога обожал.
Сынов только нарожал.
Хоть крутого нрава был,
Но жену свою любил.
Всех любил своих детей
Просто, нежно, без затей.

Старшие в войну погибли.
А Ивану руку сшибли.
Но остался он живой —
Его предкам приз большой.
Федот о внуках всё мечтал.
Имена сам раздавал.

Сына ведь назвал Иваном,
Правнука же – Емельяном,
(Был отец того Козьмой
В своей жизни непростой.

Павел, Фрол – его братья.
Здесь о них писать – зазря)

Чтоб «по щучьему веленью»,
По Федотову хотенью,
Тоже стал бы тот попом —
Сдать дела ему б потом.

Будет поп, а не стрелец —
Разудалый молодец!
Правнук был его потомок —
Сына Вани был внучонок.
Внука младшего Козьмы
Младший сын был до поры.

Так что гены много раз
Проявлялись напоказ.
Емельян надеждой стал.
Прадэд о том мечтать устал.

А пока жила деревня...
Появилась в ней харчевня
Вместо клуба у реки.
В ней гуляли ... старики.
Стали квас и пиво пить,
Анекдоты в ней травить.

О политике, бывало,
Спорили, да и не мало.

Вспомнили про анекдот.
(Да Вы не думайте, не тот!)
А про визиты глав держав
Вещали, смех едва сдержав:

**Как Ричард Никсон во Кремле,
Нажав на кнопки сразу все,
Воскликнул Брежневу всерьёз:
Ничто не действует, курьёз!?
А вот у нас в Америке...
Но тут же забился в истерике,
Услышав Брежнева ответ:
*Америки теперь уж нет!***

Но жизнь была не анекдот.
Да и сюжет в ней был не тот.
Он был всего про отчий дом,
Да и про быт семейный в нём.
Да про деревню в том краю,
И о мечтах про жизнь в раю...

В той деревне стоял дом.
Срублен ладно видно он.
В доме том жила семья.
И большая, знать, она.
В ней четыре (!) поколения
Жили дружно – вот явление!

Самым младшим стал Емеля.

То решилось в день рождения.
Для Козьмы второй сынок.
Видно в том его был рок.
В общем, родился Емеля,
Началась «его неделя».

Малыша когда достали,
Пуповину обрезали,
Медсестра, ещё не мать,
Громко принялась орать:
Вот, ещё висит одна!
Ну, ты дура, то ж елда! —

Возразила акушерка —
Баба опытна, не целка,
Продолжая пеленать,
На елдёнка всё ж взирать:
*Ну, ты будешь гарный хлопец,
Если только не уродец!?*

Приподняла малыша,
Обмерев тут чуть дыша.
На лицо его взглянув,
От того слюну сглотнув:
**(Елда болталась между ног,
Что сбивало даже слог)**

*Да! Всё ж не везёт тебе!
Вся отрада лишь в елде*

*Будет у тебя, милоч,
Через несколько годо́к! —*
Прошептала тут она,
Пеленая пацана.

Мать с отцом домой пришла,
Развернула пацана...
Это что же тут за чудо?! —
Муж скосил глаза на худо,
Взявши на руки ребёнка,
Не сводя глаза с елдёнка.

Непонятно, он в кого?
Ну, а, в общем, ничего! —
Молвила тогда жена,
К груди прижавши малыша,
Ему вставив в рот сосок,
Рот закрыв свой на замок.

Когда лёжа писал, ой!
Струя, летевшая дугой,
Описа́вши полукруг,
О пол била, как... утюг.
Приходилось пеленать,
Чтоб елда не смела встать.

Ползать начал он когда,
Задевала пол елда.
Штаны пришлось скорей надеть —

Осторожно б, не задеть,
Поприжав к ноге елду,
Не тянула чтоб «ко дну»...

Дни младенчества прошли,
Проблемой новой снизошли.
Стал Емелюшка ходить,
И с елдёночком шалить.
А с годами подрастать,
Разной ерундой страдать.

Выйдет летом он во двор
Словно выметенный сор,
Станет там играть в песочек,
Собирая тот в совочек,
Так елда, ядрёна мать,
Всё мешается играть.

Как на корточки он сядет,
И процесс игры наладит,
То елда тот час в песок
Сунет розовый носок.

Приходилось на коленки,
С корточек привстав у стенки,
Емельяну вновь вставать,
Чтоб елдак не смог мешать.

Подрастать Емеля стал,

С елдой бороться не устал.
Мальчишке крупно не свезло —
Жизнь всё делала назло:
Как ни сунется куда,
То страдает и елда.

На двор вышел поутру,
Посчитав за ерунду.
Встал Емеля пѣсать в позу.
Увидал в том гусь угрозу.
Крылами принялся махать,
Своих гусок защищать.

Ухватил.... Ой, что ты? Жуть!
И давай её тянуть.
Оттянул на дюйма два!
Был тот гусь, как сатана!
Заорал тогда Емеля,
Аргументов не имея.

На крик выскочила мать,
Гуся стала прогонять:
Ах ты, тетерев проклятый,
Гусь ты лапчатый, ... мохнатый!
Ты зачем, такой нахал,
На Емелюшку напал?

Что блажишь, ядрёна мать?! —
Стала сына та пытаться.

И взяла сына в подмышку,
Потянув на место «шишку».
Но та что-то не далась —
Синевой отозвалась.

Дома сделала компресс
На елду, да и на пресс.
Научила сына впредь
На гусей чтоб не переть,
По двору ходить в штанах,
И справлять нужду в кустах.
Быть внимательным всегда —
Будет спасена елда.

Тот совет принял Емеля,
Других советов не имея,
Обозлившись на гуся,
В себе месть к нему неся.
Но держа себя в руках,
На первбой, и при делах.

И с годами сделал правку.
Раз член был, пожалуй, в бабку:
Не с вагиной, а с... мандой.
Потому он и большой,
Приспособленный к етьбе,
Но мешавший при ходьбе.

Посему ходил Емеля

Чуть в развалку и робея:
Как бы кто не понял тут,
Что в штаны его кладут,
Над коленкой что бугрится,
Когда надо — не ложится.

Сшила мать ему штаны
С помещением для елды,
Где промежность — меж колен —
Была как бы ни у дел.
Было, чтоб куда ховать,
И свою елду скрывать.

Так в России пошла мода,
От Емели, от уroda.
Трудно было в них ходить.
Но как по-иному быть?
И носящие не знали,
Что в промежности скрывали.

Сшиты были для мальчика —
Озорного огольца.
А зачем носить юнцам —
Далеко уж не мальчикам?
Девчонок этим лишь смешить —
С низкой проймой к ним ходить.

И без вкуса и стыда.
От таких одна беда.

Как беда ждала гуся,
Выросшего... аж в ... поросся:
Жирен и упитан был.
Про конфликт давно забыл.

И реванш тут взял Емеля,
Других шансов не имея.
Он с отцом под «Старый год»
Крутой сделал поворот:

В Рождество, отца прося,
Заказала мать гуся
С яблоками, в пирогах,
И чтоб тесто на дрожжах.

Тут взбодрился Емельян,
Отец Козьма пока был пьян:
*Мать, давай-ка я схожу,
И гуся враз положу!*
Он всё месть к нему носил,
Помня: чуть не оскопил.

Согласилась тогда мать,
На отца давай пенять:
Что ты, пьяница несчастный!?
Рок судьбы моей злосчастный!
*Мне приходится опять
Емельяна подставлять!*

И сама взяла топор,
Хоть был с сыном уговор,
И лишила головы
Того гуся... без балды.
И то сыну объяснив,
От греха враз оттеснив:

*Нéчего тебе пока.
Мал ты на таки дела.
Чем всё зло в себе копить,
Научился бы любить.*

*Вон, возьми, погладь ты кошку,
Усадив её к окошку.
Потом к прадеду подойди —
На печи лежит, эти!*

*И разгладь его бородку.
Не давай вот только водку,
Как попросит он тебя,
Свою любовь к тебе неся.*

*Попроси лишь рассказать,
Как в войну, в какую рать
Он хотел давно податься,
Чтоб «зелёным» не скитаться.*

*Расспроси ты и у деда.
Вон у печки лёг без пледа.*

*Да накрой его слезка,
Подоткнув плед под бока.*

*Расспроси ты и его,
Как рука его... того.
Как он чувствует себя,
Столько лет свой крест неся?*

*Будь поласковее к люду,
И к скотине, тогда буду
Добрый я тебя считать,
Как родная твоя мать! —*

Подошла она к Емеле,
Голову склонив к постели
Свёкра, что храпел во сне,
Сны выдавши о весне.

И припала к груди сына.
Хоть и не была красива,
Но любил Емеля мать!
(Зачем такое мне скрывать?)

Детство так прошло Емели.
Годы быстро пролетели.
В школу он теперь ходил —
Интересным находил.
Взялся сразу он за гуж.
В любом деле стал он дюж.

Стал средь лучших в классе вскоре,
Развиваясь на просторе.
В классе пятом он дошёл...
В отрочество так вошёл.

Раздался Емеля вширь,
Стал почти что богатырь.
За его спиной широкой,
От доски скамье далёкой
Второгодник-друг сидел:
В общем, парился без дел.

От безделья и от дури,
И в мозгу от всякой хмури
Второгодник стал страдать,
И проказы выдавать.
Звали все его Валера,
Но в глаза, а так: «холера».

Был ленивым он в учёбе,
Хоть не глупым слыл он вроде?
Симпатичный ведь дурак
Хулиганить стал мастак.
Девки все вокруг гурьбой.
Их он щупал по одной.

Подставлял он Емельяна,
Намекая на болвана,

Что болтался меж колен,
Пока хозяин не у дел.
Так толкнёт к Емеле девку —
Не целованную целку.

Налетит млада грудями.
Её ж встретит он мудями,
Тут же этого смутясь,
Естество выдать боясь.
Та ж, краснея, отойдёт.
У Емели же встаёт.

А другого звали Шурик.
Рыжим был, по сути дурик.
За одной с Емелей партой
Он сидел краплёной картой.
Делать всё умел и сразу.
Но гадёныш был, зараза.

Емеля знал о том давно,
Что этот друг его — говно!
Так как он завистлив был,
Потому и гадом слыл.
То бывает на селе,
Да и в городе, везде.

Первый друг задирой был.
Звал его «Крестьянский сын».
Это нравилось Емеле:

Да, сынок он, в самом деле!
И крестьянский же притом,
И имеет крепкий дом.

Дом силён всегда углами,
Да столом под образами,
За которым дед и бабка,
И детишек полна лавка:
Расплодился род людской
Недалече, под Москвой.

Со вторым дружкой на пару
В классе мог задать всем жару —
В смысле спорта и работы —
Не те... в том возрасте заботы.
Вместе оба и играли.
Тон другим тем задавали.

Брали в классе с них пример.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.